

200-тысячным тиражом издательство «Физкультура и спорт» выпускает сборник «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ», подготовленный комиссией по творческому наследию В. С. Высоцкого при Московском городском клубе самодеятельной (авторской) песни. Председатель этой комиссии, составитель книги Андрей КРЫЛОВ рассказывает:

— Издание приурочено к 50-летию, со дня рождения Владимира Высоцкого, которое будет отмечаться 25 января. Первый его раздел — «Он был чистого слога слуга» — включает воспоминания о поэте и актере его родных, коллег, друзей, знакомых. О встречах и совместной работе с ним рассказывают И. Кохановский, Ю. Визбор, В. Смехов, В. Говорухин, М. Таль, В. Старшинов, О. Блохин, Д. Тышлер и другие. Остальные три раздела сборника — «Бег иноходца», «Служение стихам не терпит суеты», «Прыжки и гримасы судьбы» — содержат стихи и песни Высоцкого.

Отдельно хотелось бы остановиться на системе отбора вариантов публикуемых стихотворений. В основном это касается тех из них, которые сохранились

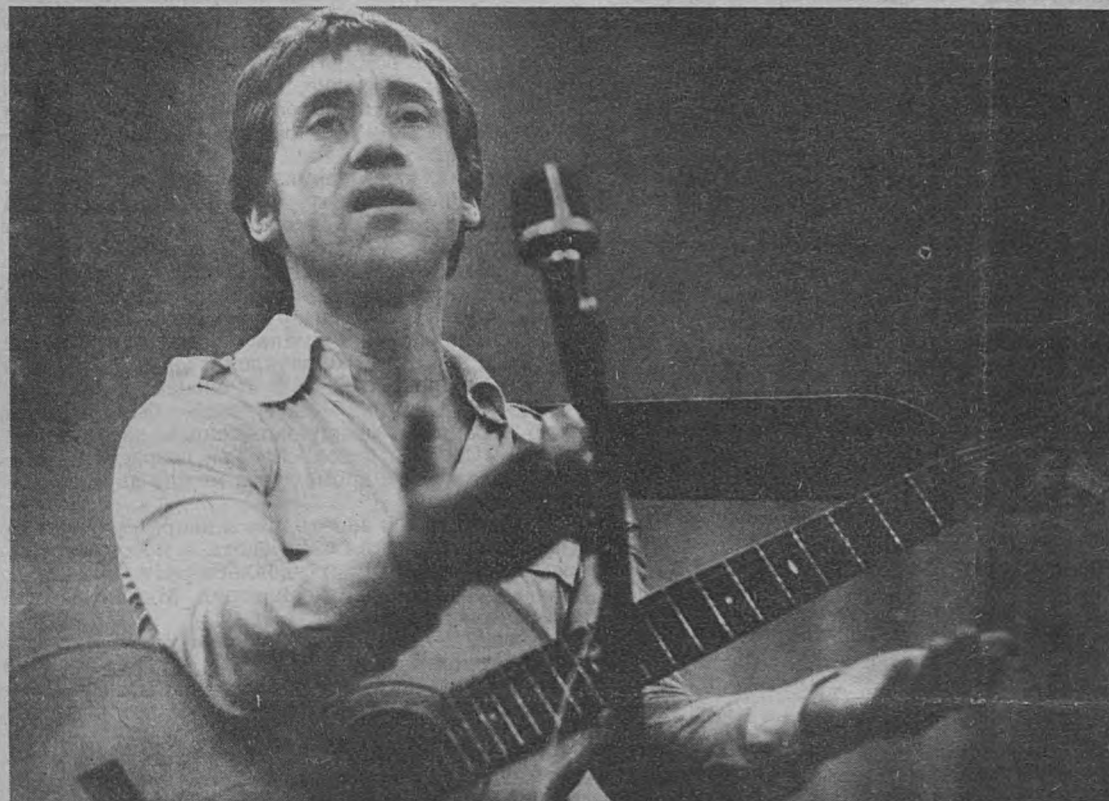
на фонограммах в авторском исполнении, ибо подготовка рукописных текстов вопросов не вызывает. В звукозаписи же существует множество текстовых вариантов песен. Многолетняя работа над этими текстами убедила, что у Высоцкого непосредственно за написанием рукописи следовал длившийся иногда до нескольких месяцев период шлифовки и уточнения текстов — при исполнении им своих произведений на публике. Следствием являлся единственный — окончательный — вариант, исполнявшийся затем из выступления в выступление практически без изменений. Таким образом, сохранившиеся авторские рукописи Высоцкого в большинстве случаев отражают лишь начальную стадию работы, а итог всего следует искать в фонограммах выступлений.

Публикуемые в книге тексты в своей основе являются устойчивыми авторскими вариантами, определенными по найденным на 1 июля 1987 года фонограммам 1966 — 1980 годов. В случаях, когда определение окончательного варианта текста затруднено, в примечаниях дана ссылка на источник публикации. Естественно, мы не претендуем на истину в последней инстанции и отдаем себе отчет в том, что эта

книга — только один из первых шагов в текстологии произведений Высоцкого.

Хотелось бы еще отметить, что сборник содержит предисловие летчика-космонавта СССР А. Иванченко — «Он работал с нами в космосе», литературоведческую статью кандидата филологических наук В. Новикова «Тренировка духа», подробные примечания к стихам, данные о первых публикациях, фотографии. В подготовке издания принимали участие собиратели и исследователи творчества Высоцкого — И. Роговой, Б. Акимов, Л. Ушаков, Ю. Тырин, спортивный журналист А. Горбунов. Мы благодарим авторов воспоминаний о Высоцком, его родных и всех, кто помогал в подготовке и выпуске книги «Четыре четверти пути».

Публикуем фрагменты материала «О песнях, о себе», составленного по расшифровке фонограмм, интервью и выступлений Владимира Высоцкого в 1966 — 1980 годах, и его стихотворение «Проложите, проложите...», текст которого приведен в книге впервые.

несенский, Самойлов, Слуцкий, Окуджава, Белла Ахмадулина, Левитанский; писатели: Абрамов, Можаев — в общем, «новомировцы», которые начинали печататься в

Владимир ВЫСОЦКИЙ О ПЕСНЯХ, О СЕБЕ

«Новом мире». С другой стороны, ученые: Капица, Блохинцев, Флеров... Капица старший — самый-самый! — основоположник, удивительный человек... Бывали в театре и музыканты, Шостакович часто приходил...

А может быть, я ошибаюсь, может быть, я все равно продолжал бы писать, и не оказавшись на Таганке. Потому что раньше — это я только сейчас обратил внимание, — если я начинал работать и приходила какая-то строка, я всегда садился и записывал ее. А теперь она меня мучает и все равно заставит прийти к письменному столу. Так что, возможно, я и сам все равно продолжал бы писать, но не так, как при поддержке театра.

Я СЛЫШАЛ много подделок под мои песни. Сейчас их делать стало труднее, потому что появилась хорошая аппаратура и сразу можно отличить мой голос от того, что подделано. А раньше подделок было очень много, и слушатели считали, что, если кто-то хрипит, — это Высоцкий. Хочу сказать, что если вам когда-нибудь попадутся записи, где, во-первых, неприличные слова, во-вторых, такая дешевая жизненная проза, то сразу можете считать, что это песни не мои.

Подделывать в то время было очень легко, так как эти записи десятикратно, стократно переписываются и хриплый голос сделать очень просто, а если еще и записать где-нибудь на улице, то

и будет, как многие считают, полное впечатление, что поет Высоцкий. Я однажды услышал такую запись и сам перепутал — отличил только потому, что сам пою и знаю свои тексты.

Эти песни мне очень вредят, меня часто по этому поводу вызывают, разговаривают со мной, дескать, как вам не стыдно, что вы делаете?! А несколько лет назад был специальный приказ по управлению культуры, мне запретили год выступать, и в приказе было названо несколько песен, которые мне вообще не принадлежат.

Даже была целая статья в газете «Советская Россия» — «О чем поет Высоцкий?», где основные обвинения в мой адрес были построены на не моих песнях. А я никогда не пел с «чужого голоса» и никому не подражал, и вообще это занятие считаю праздным и довольно глупым.

ЛЮДИ тянутся не только к стихам, но и к поэтам. Вот у нас семь тысяч членов Союза писателей СССР, сейчас я любого спрошу — быстро назовет не более тридцати, кто-то назовет пятьдесят, но уж никак не сто. А ведь все печатались, у всех есть книги. Я говорю о поэзии в большом смысле слова, о Поэтах с большой буквы.

Каковы мои литературные вкусы? Привязанности мои немногочисленны, а вкусы — определенные. Из теперешних, из «деревенщиков», что ли, я очень люблю Можаева, Абрамова, Белова; люблю Астафьева, Распутину, Трифонову. Люблю Булата за прозу. Поэзию люблю почти всю...

В ПРИНЦИПЕ я предпочитаю не рассказывать свою биографию, и не потому, что в ней есть нечто такое, что я хочу скрыть, нет, а просто потому, что это малоинтересно. Интереснее говорить про то, что я успел сделать за это время, а не про то, что успел прожить.

Я знаю, что про меня ходит много всяких слухов, что мне приписывают массу песен, к которым я не имею никакого отношения, — ну и бог с ними! Не хочу опровергать. Помните, как Александр Сергеевич сказал: «От плохих стихов не отказываюсь, надеясь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаться, и сил нет отказать». Так что...

Пишу я очень давно. С восьми лет писал я всякие вирши, детские стихи про салют. А потом, когда стал немножко постарше, писал всевозможные пародии. Все балуются в юности стихами и собираются это делать и в будущем. Почти все могут писать — это не так сложно — и знают, как зарифмовать «кровать» с «убивать» или «мать» и так далее, но это ничего не стоит, это дело четвертое или пятое — рифмовка. Можно взять ис-

торию русской рифмы, словарь для рифмовки — и пошел шпарить! И так можно графоманствовать всю жизнь, а вот некоторые почему-то со временем превращаются в Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулину и Окуджаву.

В театральном училище я писал громадные «капустники», на полтора-два часа. Например, на втором курсе у меня был «капустник» из одиннадцати или двенадцати пародий на все виды искусства: там была и оперетта, и опера «вампук», в плохом смысле слова, естественно. Мы делали свои тексты и на студийные темы, и на темы дня, то есть я давно писал комедийные вещи, и всегда с серьезной подоплекой.

А потом я не стал этого делать, потому что вскоре после окончания студии Художественного театра — молодым еще человеком — услышал пение Окуджавы, по-моему, это было в Ленинграде, во время съемок. Его песни произвели на меня удивительное впечатление не только своим содержанием, которое прекрасно, но и тем, что, оказывается, можно в такой вот манере излагать стихи. Меня поразило, насколько сильнее воздейст-

вие его стихов на слушателей, когда он читает их под гитару, и я стал пытаться делать это сам. Стал делать, конечно, совсем по-другому, потому что я не могу, как Булат, — это совсем другое дело. Но все-таки я стал писать в этой манере именно потому, что это не песни — это стихи под гитару.

МНЕ в общем-то страшно повезло, что я не бросил писать стихи. Не бросил потому, что поступил работать в Театр на Таганке. Я пришел туда через два месяца после того, как он организовался, и увидел, какое в нем спектакле («Добрый человек из Сезуана». — Ред.) было обилие брехтовских песен и зонгов, которые исполнялись под гитару и аккордеон. И так исполнялись, как я бы мечтал, чтобы мои песни были исполнены: не как вставные номера, чтобы люди в это время откинулись и отдыхали, а как необходимая часть спектакля.

Разные люди бывали в Театре на Таганке, и они все-таки отнеслись к моим стихам... Их заметили члены худсовета нашего театра. Это потрясаящий народ! С одной стороны, поэты: Евтушенко, Воз-

Проложите, проложите
Хоть туннель по дну реки,
И без страха приходите
На вино и шашлыки.
И гитару приносите,
Подтянув на ней колки, —
Но не забудьте — затупите
Ваши острые клыки.
А когда сообразите —
Все пути приводят в Рим, —

Вот тогда и приходите,
Вот тогда поговорим.
Нож забросьте, камень выньте
Из-за пазухи своей,
И перебросьте, перекиньте
Вы хоть жердь через ручей.
За посев ли, за покос ли —
Надо взяться, поспешать, —
А прохлопав, сами после
Лохти будете кусать.

Сами будете не рады,
Утром вставши, — вот те раз! —
Все мосты через преграды
Переброшены без нас.
Так проложите, проложите
Хоть туннель по дну реки!
Но не забудьте — затупите
Ваши острые клыки!

«Проложите,
проложите...»